

Посвящается А. Дж.

*Скорбь по усопшим — единственная
скорбь, с которой мы не желаем рас-
статься.*

Вашингтон Ирвинг
«Сельские похороны»

*Меж черкесских садов благодатных,
У ручья, что испятнан луной,
У ручья, что расколот луной,
Атенийские¹ девы внезапно
Ниц упали одна за одной.
Там скорбела навзрыд Леонора,
Содрогалась от воплей она.
И взяла меня в плен очень скоро
Диких глаз ее голубизна,
Эта бледная голубизна².*

---

¹ Атений — изначально: святилище Афины.

² *Здесь и далее:* за исключением обозначенных случаев, перевод стихов выполнен Г. Буровиным.

Завещание Гаса Лэндора

19 апреля 1831 года

Через два-три часа... Трудновато определить... Наверняка через три или самое большее через четыре... Короче говоря, не позже чем через четыре часа я буду мертв.

Я говорю об этом, потому что появилась возможность увидеть вещи под другим углом. В последнее время, к примеру, меня стали интересовать мои пальцы. А также — немного покосившаяся самая нижняя планка в жалюзи. И побег глицинии, что за окном, — он растет в сторону от основного стебля и болтается, как веревка на виселице. Раньше я этого не замечал. Есть и еще кое-что: прошлое надвигается со всей мощью настоящего. Все люди, что окружали меня, разве они не толпятся вокруг? Интересно, что мешает им сталкиваться лбами? Вон, у очага, оддермен из Гудзон-парка; рядом с ним моя жена в фартуке, она ссыпает золу в банку. А кто это наблюдает за ней? Да это мой лабрадор-ретривер. Дальше по коридору моя мать — она никогда не переступала порог этого дома: умерла, когда мне еще не было двенадцати, — гладит мой выходной костюм.

Что любопытно — ни один из гостей не заговаривает с другими. Они строго придерживаются этикета, и я не в силах изменить правила.

Правда, должен отметить, не все следуют правилам. В течение последнего часа мое ухо терзал — по сути, рвал на части — некто Клодиус Фут. Пятнадцать лет назад я арестовал его за ограбление почты Рочестера. Какая несправедливость: у него было трое свидетелей, которые клялись, что в тот момент он грабил почту Балтимора... Фут тогда пришел в ярость, вышел под залог, исчез из города, вернулся полгода спустя и, помешавшись из-за холеры, бросился под колеса пролетки. Болтал до смертного порога. И сейчас все еще болтает.

О, это целая толпа, вот что я скажу. Я то обращаю на нее внимание, то нет — в зависимости от настроения, в зависимости от угла, под которым солнечный свет падает в комнату. Должен признать, что иногда мне хотелось бы побольше общаться с живыми, но в последнее время они приходят все реже. Пэтси больше не появляется... Профессор Папайя сейчас в Гаване, измеряет тамошние головы... А что до... *него*... Ради чего *ему* возвращаться сюда? Я могу звать его только мысленно, и как только это делаю, я начинаю слышать наши беседы. Сегодня вечером, например, мы обсуждали душу. Я не убежден, что она у меня есть; он же считает наоборот. Было бы забавно и дальше слушать его рассуждения, если б он не был так ужасно серьезен. С другой стороны, никто никогда не давил на меня в этом вопросе, даже собственный отец (пресвитерианский¹ проповедник, он был слишком занят душами своей паствы, чтобы грубым ботинком наступать на мою). Снова и снова я говорил: «Ну, может, вы и правы». От этого он только сильнее распалялся. Заявлял мне, что я ухожу от темы, требуя эмпирического подтверждения. А я спрашивал: «В отсутствие такового подтверждения что еще я могу ответить,

---

¹ Пресвитерианство — направление протестантизма, основанное на шотландской версии кальвинизма.

кроме “Может, вы и правы”?» Так мы и ходили по кругу, пока однажды он не сказал: «Мистер Лэндор, придет время, когда ваша душа обернется и окажется с вами лицом к лицу в самом эмпирическом виде: когда будет отлетать от вас. Вы будете цепляться за нее, но тщетно! Так разглядите же ее сейчас, как она расправляет орлиные крылья в своем диком гнезде».

М-да, он такой фантазер... Совершенно невоздержанный притом. Что до меня, то я всегда предпочитал факты метафизике. Надежные, простые и твердые факты. Именно факты и выводы и станут основой этой истории. Потому что они стали основой истории моей жизни.

Однажды ночью, через год после моей отставки, дочь услышала, как я разговариваю во сне, — она вошла и обнаружила, что я допрашиваю подозреваемого, который уже двадцать лет как мертв. «Угол не обтешешь, — говорил я. — Вы же понимаете это, мистер Пирс». Тот тип расчленил тело своей жены и скормил его по кускам стае сторожевых псов на складе в Баттери. В моем сне его глаза покраснели от стыда; он очень сожалел о том, что отнимает у меня время. Помню, я сказал ему: «Если это не вы, то должен быть кто-то другой».

В общем, именно тот сон и заставил меня увидеть: от призвания никуда не денешься. Можно спрятаться в Гудзонские горы, можно отгородиться книгами, цифрами и тросточками для прогулок... работа все равно найдет тебя.

Я мог бы убежать. Вполне мог убежать чуть глубже в глухие дебри. Честное слово, не понимаю, как позволил уговорить себя и согласился вернуться к работе, хотя иногда кажется, что все произошло — все это — только ради того, чтобы мы нашли друг друга, *он* и я.

Однако строить догадки и предположения смысла нет. Есть история, которую я собираюсь рассказать, есть жизни, за которые я в ответе. А так как эти жизни во многих

ЛУИ БАЙЯР

отношениях были закрыты для меня, я, где это необходимо, буду уступать место другим рассказчикам; в частности, моему юному другу. Он — истинная душа этой истории, и каждый раз, когда я пытаюсь представить, кто первым прочитает ее, у меня перед глазами сразу встает он. Именно его пальцы скользят по строчкам и колонкам, именно его глаза разбирают мой почерк.

О, я понимаю, мы не можем выбрать, кто прочтет нас. Поэтому ничего не остается, кроме как утешаться мыслью о незнакомце — еще не родившемся, если я правильно понимаю, — который найдет эти записи. И это тебе, мой Читатель, я посвящаю свое повествование.

Пожалуй, перечитаю-ка я все еще раз. Последний. Олдермен¹ Хант, будьте любезны, подкиньте еще полено в огонь...

Начнем.

---

¹ Олдермен — в США обычно член муниципального совета или другой ключевой муниципальной структуры.

Повествование Гаса Лэндора

1

Начало моего профессионального участия в деле академии Вест-Пойнт датируется двадцать шестым октября тысяча восемьсот тридцатого года. В то утро я вышел на свою обычную прогулку — хотя чуть позже, чем всегда — по холмам, окружающим Баттермилк-Фоллз. Помню, стояло бабье лето. Листья, даже опавшие, отдавали тепло, которое поднималось вверх — я чувствовал его сквозь подошвы, — и золотило туман, окутывавший фермерские постройки. Я шел один, следуя по тропинкам, серпантинном вившимся по холмам... Тишину нарушал скрип моих башмаков, лай собаки Дольфа ван Корлера и, думаю, мое учащенное дыхание — в тот день я поднялся довольно высоко. Я вышел к гранитному мысу, который местные называют Пяткой Седраха, и привалился к тополи, готовясь к финальному рывку, когда вдали, к северу, услышал звук валторны.

Этот звук я слышал и раньше — невозможно жить рядом с академией и не слышать его, — но в то утро он отдался у меня в ушах странным жужжанием. Впервые этот инструмент вызвал у меня удивление. Разве звуки валторны могут разноситься так далеко?

Как правило, такие вопросы меня не занимают. Я не стал бы забивать тебе, Читатель, этим голову, если б не хотел показать, в каком состоянии ума я находился. Дело в том, что в обычный день я бы не задумался о валторне. Не

повернул бы назад, не добравшись до вершины, и гораздо быстрее заметил бы следы колес.

Две колеи, каждая в три дюйма глубиной и в фут шириной. Я увидел их, когда шел домой, но отмахнулся, как и от всего остального: от солнца, от стаи гусей. Реалии окружающего мира как бы перетекали одна в другую, так что я лишь мельком глянул на эти колеи и ни разу (что нехарактерно для меня) не прошелся по цепочке причинно-следственной связи. Поэтому представьте мое удивление, когда я, перевалив через холм, увидел на площади перед своим домом фэтон с запряженным в него конем караковой масти¹.

На козлах сидел молодой артиллерист, но мой натренированный взгляд, сразу определивший звание, уже обратился на мужчину, прислонившегося к экипажу. В полной военной форме, он... словно позировал для портрета. Его с головы до ног окутывало сияние: начищенные до блеска золотистые пуговицы, позолоченный шнур на кивере, позолоченная рукоять сабли. Затмивший солнце — вот таким я его воспринял и, побуждаемый своим состоянием ума, на мгновение задался вопросом, а не связан ли он с валторной. Как-никак, прозвучала музыка, а потом появился этот человек... И все равно отчасти я стал — очень хорошо помню это ощущение — расслабляться, подобно тому, как кулак распадается на части: пальцы и ладонь.

У меня хотя бы было преимущество: офицер не знал, что я рядом. Дневная леность уже одолела часть его энергичности. Он играл с вожжами, перекидывая их из стороны в сторону, словно повторяя движения лошадиного хвоста. Глаза полуприкрыты, голова клонится вниз...

Возможно, так продолжалось бы довольно долго — я бы наблюдал за ним, не замечающим наблюдения, — если б

---

¹ Караковая масть — самый темный оттенок гнедой (коричневой) масти.

нас не прервала третья сторона. Корова. Большая, толстая, с длинными ресницами; вышла из платановой рощи, слизывая с губ остатки клевера. Она тут же принялась обходить фаэтон — с редчайшей тактичностью, словно предполагая, что молодой офицер сочтет нужным вмешаться. Этот самый офицер сделал шаг назад, будто готовясь к падению, и его рука мгновенно легла на рукоятку сабли. Думаю, именно вероятность убийства (чьего?) и побудила меня к действию: я длинным шагом двинулся вниз по склону и закричал:

— Ее зовут Агарь¹!

Он был слишком хорошо обучен, чтобы резко обернуться, этот офицер. Лишь слегка повернул голову в мою сторону, не меняя позы и не ослабляя внимания.

— Во всяком случае, она откликается на это имя, — сказал я. — Пришла сюда через несколько дней после меня. Никогда не признавалась, как ее зовут, поэтому я сам дал ей имя.

На его губах появилось подобие улыбки. Он сказал:

— Замечательное животное, сэръ.

— Корова-либералка. Приходит, когда хочет, и уходит тоже. Без обязательств.

— Ясно. Вот вы... Я тут подумал: а что, если...

— Да-да: если бы все женщины были такими.

Молодой человек оказался не таким уж молодым, как мне показалось. Ему точно перевалило за сорок, года на два, не меньше; он был всего на десять лет моложе меня и все еще служил, выполняя разные мелкие поручения. Однако это поручение являлось для него не мелким. Оно заставило его подобраться и распрямить плечи.

---

¹ Агарь — библейский персонаж, служанка и наложница Авраама, изгнанная из его дома вместе с рожденным от него сыном Измаилом.

ЛУИ БАЙЯР

— Вы Огастес Лэндор, сэ́р? — спросил он.

— Да.

— Лейтенант Медоуз, к вашим услугам.

— Рад встрече.

Он откашлялся, причем дважды.

— Сэр, я здесь, чтобы сообщить вам, что суперинтендант Тайер просит у вас об аудиенции.

— Какого рода аудиенции? — спросил я.

— Я не вправе говорить, сэ́р.

— Да, конечно. Она касается профессиональных вопросов?

— Я не вправе...

— Тогда позволю себе спросить: когда эта аудиенция состоится?

— Немедленно, сэ́р. Если вы соблаговолите.

Сознаюсь, красота дня никогда не очаровывала меня так, как в тот момент. Легкая дымка в воздухе, столько редкая для конца октября. Туман, укутавший предгорья. Дятел, выбивающий дробь на сером клене. Никуда бы не ехать...

Я тростью указал на свой дом.

— Лейтенант, вы уверены, что не хотите выпить кофе?

— Нет, сэ́р, спасибо.

— Я мог бы поджарить ветчины, если вы...

— Нет, я уже ел. Спасибо.

Я повернулся. Шагнул к дому.

— Лейтенант, я приехал сюда в связи с состоянием своего здоровья.

— Прошу прощения?

— Мой врач сказал, что для меня это единственный шанс дожить до преклонных лет: я должен перебраться повыше. В горы. «Уезжайте из города», — сказал он.

— Гм.

Эти его блеклые карие глаза. Этот его приплюснутый белый нос.

— И вот я здесь, — продолжал я. — Олицетворение здоровья.

Он кивнул.

— Не знаю, согласитесь ли вы со мной, лейтенант, что здоровье ценится весьма высоко?

— Не могу сказать. Возможно, вы правы, сэр.

— Лейтенант, вы выпускник академии?

— Нет, сэр.

— О, значит, прошли трудный путь... Поднялись по служебной лестнице, да?

— Все верно.

— Что до меня, то я никогда не учился в колледже, — сказал я. — Раз я не испытываю особой тяги к пастырству, какой смысл в дальнейшем обучении? Вот так считал мой отец — так считали все отцы в те времена.

— Понимаю.

Полезно знать вот что: правила ведения допроса неприменимы к обычному разговору. В обычном разговоре говорящий слабее слушающего. Однако в тот момент я не был достаточно силен, чтобы пойти другим путем. Поэтому пнул колесо фаэтона.

— Странное средство передвижения, — сказал я, — чтобы привезти одного человека.

— Это все, что было в наличии, сэр. И мы не знали, есть ли у вас собственная лошадь.

— А что, лейтенант, если б я решил не ехать?

— Ехать или нет, мистер Лэндор, — исключительно ваше решение. Ведь вы — частное лицо, а у нас свободная страна.

«Свободная страна», — именно так он и сказал.

Моя страна здесь. Агарь в нескольких шагах от меня, справа. Дверь моего дома, все еще приоткрытая, как я ее и оставил. Внутри стопка написанных тайнописью писем, недавно доставленных с почты, и оловянный кофейник с

холодным кофе, и унылого вида жалюзи, и нитка с сушеными персиками, и подвешенное в углу, у дымовой трубы, страусиное яйцо, которое много лет назад подарил мне торговец специями из четвертого округа. А на заднем дворе — мой конь, стареющий чалый жеребец у коновязи, и вокруг него разложено сено. А зовут его Конь.

— Замечательный день для верховой прогулки, — говорю я.

— Да, сэр.

— Человек вправе проводить свой досуг как угодно, это факт. — Я посмотрел на него. — А полковник Тайер ждет, это еще один факт. Можно ли полковника Тайера квалифицировать как факт?

— Может, возьмете свою лошадь, — сказал он не без доли отчаяния. — Если вам так предпочтительнее.

— Нет.

Слово повисло в тишине. А мы стояли по обе стороны от него. Агарь продолжала ходить кругами вокруг фаэтона.

— Нет, — наконец повторил я. — Буду счастлив ехать в вашем обществе, лейтенант. — Чтобы выглядеть убедительным, я посмотрел на свои ноги. — Честно говоря, рад, что у меня будет компания.

Именно этих слов он и ждал. Разве он не откинул маленькую лесенку? Разве он не предложил мне руку, чтобы помочь подняться по ней? Руку старому мистеру Лэндору! Я поставил ногу на нижнюю ступеньку, попытался подняться, но утренняя прогулка измотала меня, нога соскользнула, и я упал на лестницу, упал тяжело, и меня пришлось подталкивать и запихивать в фаэтон. Я сел на жесткую деревянную скамью, он забрался вслед за мной, и я сказал, возвращаясь к тому, что было важно для меня:

— Лейтенант, вам стоит подумать о том, чтобы обратно ехать почтовой дорогой. В это время года дорога вдоль фермы Хесмена тяжеловата для проезда.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

Именно на это я и надеялся. Он замер. Склонил голову набок.

— Прошу прощения, — сказал я. — Стоит объяснить. Вероятно, вы заметили, что к упряжи вашей лошади прилипли три больших лепестка подсолнуха. Такие крупные подсолнухи есть только у Хесмена — они буквально атакуют вас, когда вы проезжаете мимо. А эти желтые полосы на дверцах? Они цвета маиса, что есть у Хесмена. Мне рассказывали, что он использует особый вид удобрения — куриные кости и цветки форзиции; местная сплетня, но кто их, голландцев, разберет... Кстати, лейтенант, ваши родители все еще живут в Уилинге?

Он отказывался смотреть на меня. Я понял, что попал в цель, по тому, как поникли его плечи и с каким ожесточением он тронул. Лошадь рванула вверх по холму, мое тело откинулось назад, и в этот момент я подумал, что если бы у скамьи не было спинки, то я просто валился бы... Назад, назад... Я представил это очень живо. Мы достигли вершины холма, и фэтон повернул на север. В боковом окне мелькнули площадь перед моим домом и милый силуэт Агари. Я уже не ждал никаких объяснений и уезжал прочь. Чтобы никогда не вернуться.

Повествование Гаса Лэндора

2

Там. Та-та-та-там. Там. Та-та-та-там.

Мы ехали уже полтора часа и находились в полумиле от академии, когда застучали барабаны. Сначала это было просто волнением в воздухе, а потом превратилось в четкий ритм, причем очень грозный. Когда я посмотрел вниз, мои ноги двигались в такт помимо воли. Я подумал: «Вот так они заставляют подчиняться. Проникают в самое нутро».

Это, безусловно, подействовало на моего сопровождающего. лейтенант Медоуз упорно смотрел вперед и на несколько вопросов, что я задал ему, дал формальные ответы. Он ни разу не изменил позы, даже когда фэтон едва не перевернулся, наехав на валун. Всю дорогу хранил облик палача, и, честно скажу, были моменты, когда экипаж превращался — потому что я все еще находился в дремотном состоянии разума — в повозку для осужденных, а впереди маячила толпа... гильотина...

А потом мы добрались до конца длинного подъема; земля к востоку от нас исчезла, и появился Гудзон. Глянцевый, опалово-серый, морщащийся миллионом волн. Утренний туман уже превратился в маслянистую дымку, очертания противоположного берега врезались прямо в небо, и каждая гора таяла, превращаясь в голубую тень.

— Почти приехали, сэр, — сказал лейтенант Медоуз.

Вот что Гудзон делает с тобой: очищает. Поэтому к тому мгновению, когда мы сделали последний рывок к утесу, на

котором стоит Вест-Пойнт, к тому мгновению, когда академия показалась за сплошной стеной леса, я, в общем, снова почувствовал себя готовым к тому, что произойдет, и мог любоваться видами, как ими любовался бы путешественник. Вон там — серая каменная громада гостиницы мистера Коззенса, окруженная верандой. А на западе, чуть выше, — руины форта Патнем. А выше — коричневые мышцы горы, оцетинившиеся деревьями, а еще выше — только голубое небо.

Было без десяти три, когда мы добрались до караульного поста.

— Стой! — послышался крик. — Кто едет?

— лейтенант Медоуз, — ответил кучер, — сопровождает мистера Лэндора.

— Приблизьтесь для опознания.

Часовой подошел к нам, и когда я выглянул, то с изумлением увидел таращащегося на нас мальчишку. Он отдал честь лейтенанту, затем оглядел меня, и его рука уже начала подниматься к голове, однако мой статус гражданского вынудил ее опуститься.

— лейтенант, нас осмотрел кадет или солдат?

— Солдат.

— Но ведь кадеты тоже стоят в карауле, да?

— Да, когда у них нет занятий.

— То есть по ночам?

Возница посмотрел на меня. Впервые с тех пор, как мы отъехали от моего дома.

— Да, по ночам.

Мы поехали по территории академии. Я хотел сказать «въехали на территорию», но тут некуда въезжать, потому что ниоткуда не выезжаешь. Да, здесь есть здания — деревянные, каменные и кирпичные, — но создается впечатление, будто все они высятся с молчаливого согласия Природы и всегда находятся на грани вынужденного ис-

чезновения. А потом мы оказались в месте, которое к Природе не имеет отношения: на плац-параде. Сорок акров щербатой земли с островками травы, светло-зеленой и золотистой, тянущимися на север туда, где Гудзон, спрятанный за деревьями, делает резкий поворот на запад.

— Равнина, — объявил добрый лейтенант.

Естественно, я знал, как у них называется плац-парад, будучи соседом академии, как знал и его предназначение. Продуваемое всеми ветрами поле, где кадеты Вест-Пойнта становились солдатами.

Но где же солдаты? Я видел только пару снятых с лафетов пушек, флагшток, белый обелиск и узкую полоску тени, которую не смогло убрать яркое солнце. Когда фаэтон ехал по утрамбованной грунтовой дороге, не было никого, кто мог бы заметить наше прибытие. Даже бой барабанов прекратился. Вест-Пойнт словно схлопнулся в себя.

— Лейтенант, а где кадеты?

— На занятиях.

— А офицеры?

После короткой паузы он сообщил мне, что многие из них являются преподавателями и находятся в учебных комнатах.

— А остальные?

— Не могу знать, мистер Лэндор.

— О, я просто поинтересовался, не стали ли мы причиной тревоги.

— Я не вправе говорить...

— Тогда, возможно, вы вправе ответить, будет ли моя аудиенция с суперинтендантом приватной?

— Полагаю, будет также присутствовать капитан Хичкок.

— А капитан Хичкок — это...

— Командир кадетов, сэр. Второй по статусу после полковника Тайера.

Вот и все, что он соизволил мне рассказать. Он был настроен строго придерживаться своего важного поручения, что и сделал: доставил меня напрямик к квартире суперинтенданта и проводил до гостиной, где меня уже ждал денщик Тайера. По имени Патрик Мёрфи; солдат в прошлом, а сейчас (как мне предстояло выяснить) главный шпион Тайера — как большинство шпионов, веселый и жизнерадостный.

— Мистер Лэндор! Уверен, ваше путешествие было таким же приятным, как сегодняшний солнечный день. Прошу вас, следуйте за мной.

Он продемонстрировал все свои зубы, но улыбка так и не добралась до его глаз. Мёрфи повел меня вниз по лестнице, открыл дверь в кабинет суперинтенданта и в манере лакея объявил о моем прибытии. Когда я обернулся поблагодарить, он уже исчез.

Как я узнал позже, это было предметом гордости Сильвануса Тайера — работать в полуподвале; умелая игра в Обычного человека. Что сказать: в кабинете было чертовски темно. Окна загораживали кусты, а свечи, кажется, освещали только себя. Так что моя первая официальная встреча с суперинтендантом Тайером состоялась под покровом темноты.

Но я забегаю вперед. Первым представился командир Итан Аллен Хичкок, второй по старшинству. Он, Читатель, тот, кто изо дня в день делает грязную работу, управляя кадетским корпусом. Что называется, Тайер решает в голове, а Хичкок решает на практике. И любой, кто намеревается связать себя с академией, должен сначала наладить связь с Хичкоком, который играет роль дамбы, защищающей от накатывающих человеческих волн, и помогает Тайеру оставаться на вершине сухим и безупречным, как солнце.

Короче, Хичкок — тот, кто привык быть в тени. Таким он и проявил себя передо мной: рука освещена, все осталь-

ное — предмет домыслов. Только когда он приблизился, я увидел, насколько у него поразительная внешность (как мне говорили, он не походил на своего знаменитого деда¹). Человек, коему военный мундир достался тяжелым трудом. Среднего роста, крепкий, с плоской грудью и губами, которые словно постоянно сжимались вокруг чего-то: камешка, арбузной косточки... В карих глазах отражалась меланхолия. Он пожал мне руку и заговорил на удивление мягким голосом, каким разговаривают с лежащим больным:

— Надеюсь, мистер Лэндор, отставка пошла вам на пользу.

— Благодарю, она пошла на пользу моим легким.

— Позвольте представить вас суперинтенданту.

В пятне света от сальной свечи над письменным столом из вишневого дерева склонилась голова. Каштановые волосы, круглый подбородок, выступающие, четко очерченные скулы. Внешность, не предназначенная для любви окружающих. Нет, человек, сидевший за письменным столом, готовился к трезвой оценке потомков, и это было трудным делом при его шуплости, которую не могли скрыть ни синий китель с золотыми эполетами, ни даже изогнутая, как плавник карпиодеса², сабля.

Но все это впечатление сложилось уже позже. В той темной комнате с поданного мне низкого стула, поставленного перед высоким письменным столом, я, если честно, видел только голову, четко и ясно, и кожа на этой голове уже начала оттягиваться вниз, напоминая отслоившуюся маску. Голова обратилась ко мне и заговорила. Она сказала:

— Очень рад встрече, мистер Лэндор.

---

¹ Речь идет об Итане Аллене (1738–1789) — одном из известных участников Войны за независимость США (1775–1783); его дочь была матерью Хичкока и составила имя сына из имени и фамилии своего отца.

² Карпиодес — рыба из отряда карпообразных.

Нет, ошибочка вышла; она сказала:

— Послать за кофе?

Все верно. И в ответ я сказал:

— Было бы неплохо выпить пива.

Воцарилась тишина. Пропитанная, кажется, оскорбленным достоинством. «Неужели полковник Тайер — трезвенник?» — подумал я. Но потом Хичкок позвал Патрика, и Патрик привел Молли, и Молли отправилась в погреб, и все это произошло по щелчку пальцев правой руки Сильвануса Тайера.

— Полагаю, мы с вами однажды встречались, — сказал он.

— Да, у мистера Кембла. В Колд-Спринг.

— Именно так. Мистер Кембл очень высокого мнения о вас.

— О, это мило с его стороны, — сказал я, улыбаясь. — Мне просто повезло быть кое в чем полезным его брату, вот и всё. Много лет назад.

— Он упоминал об этом, — сказал Хичкок. — Связано с земельными спекулянтами.

— Да, афера была невероятная, не так ли? На Манхэттене действовала целая банда мошенников; они торговали землей, которой у них не было. Интересно, продолжают ли они свою деятельность?

Хичкок придвинул свой стул чуть ближе и поставил свою свечу на стол Тайера, рядом с красным кожаным футляром для документов.

— Мистер Кембл утверждает, — сказал он, — что вы считаетесь своего рода легендой среди констеблей Нью-Йорка.

— Какого рода легендой?

— Для начала, вы честны. Думаю, этого достаточно, чтобы любой сотрудник нью-йоркской полиции стал легендой.

Я заметил, как ресницы Тайера чуть-чуть опустились: «Молодец, Хичкок».

— О, уверяю вас, в легендах правды мало, — очень не-принужденно сказал я. — Хотя, мне кажется, если кто-то и прославился своей честностью, то это вы и полковник Тайер.

Хичкок прищурился. Вероятно, он спрашивал себя, не лезть ли это.

— Среди прочих достижений, — продолжал Тайер, — вы сыграли важную роль в задержании главарей «Предрассветных парней». Они стали бедствием для честных торговцев.

— Да, так и было.

— Вы также приложили руку к разгону банды «Рубашек навывпуск».

— Только они быстро вернулись.

— Если я правильно помню, — сказал Тайер, — вам доверили расследование крайне жестокого убийства, раскрыть которое все остальные уже отчаялись. Молодой проститутки на Елисейских Полях¹. Не совсем ваша юрисдикция, мистер Лэндор?

— Жертва была в моей. Да и убийца тоже, как оказалось.

— Еще мне говорили, мистер Лэндор, что вы сын священника. Из Питтсбурга?

— В том числе.

— Приехали в Нью-Йорк юношей. Сунули нос в дела Таммани-Холла², я правильно говорю? На участие в борьбе фракций духу не хватило, как я понимаю... Вы не политик по духу.

Подтверждая справедливость его слов, я кивнул и снова откинул голову. На самом же деле просто выбрал точку обзора получше, чтобы видеть глаза Тайера.

---

¹ Имеется в виду парк в Нью-Джерси.

² Таммани-Холл — влиятельная нью-йоркская организация Демократической партии, каковая партия являлась в то время доминирующей в США. — *Прим. пер.*

— Ваши таланты включают разгадку шифров, — тем временем говорил он. — Борьбу с беспорядками. Строительство оградительных барьеров вокруг католических избирательных округов. И... допросы без церемоний.

Вот оно: еле заметный взмах ресниц. Я и не увидел бы его, если б не искал чего-то такого.

— Полковник Тайер, вы позволите спросить?

— Да?

— Это футляр для бумаг? Там вы прячете свои сведения?

— Я не понимаю вас, мистер Лэндор.

— О, пожалуйста, не надо; это я вас не понимаю. Я почувствовал себя одним из ваших кадетов. Они входят сюда — уже и так напуганные, не сомневаюсь, — и вы сидите и во всех подробностях рассказываете об их успеваемости. Готов спорить, у них накопилась масса взысканий, а если вы немного поднажмете, то наверняка расскажете даже то, как глубоко они влезли в долги. Вероятно, они уходят отсюда, считая вас почти равным Богу по всеведению.

Я подался вперед и оперся руками на красноватую крышку письменного стола.

— Пожалуйста, полковник, откройте, что еще есть в вашем футляре. В смысле, про меня. Вероятно, там сказано, что я вдовец. Ну, это вполне очевидно: у меня нет ни одного предмета одежды моложе пяти лет. И я давно не переступал порог церкви. О, а там говорится, что у меня была дочь? Которая не так давно сбежала? Одинокие вечера, знаете ли... Зато у меня есть очень милая корова — там упоминается корова, полковник?

Именно в этот момент дверь открылась, и в кабинет вошел слуга с пивом на подносе. Пенящимся, почти черного цвета. Хранившимся глубоко в подвале — это я понял, когда первый глоток прокатился по мне приятным холодком.

Надо мной переплетались голоса Тайера и Хичкока.

— Очень сожалеем, мистер Лэндор...

ЛУИ БАЙЯР

— Не с того начали...

— Не хотели обидеть...

— Со всем нашим уважением...

Я поднял руку.

— Не надо, джентльмены, — сказал я. — Это мне следовало бы извиняться. — Я прижал холодный стакан к виску. — Что я и делаю. Прошу вас, продолжайте.

— Мистер Лэндор, вы уверены?

— Боюсь, вы уже поняли, что сегодня я немного переутомился, но я буду рад... В том смысле, что прошу вас: расскажите о вашем деле, и я сделаю все возможное...

— Вы не хотели бы сначала...

— Нет, спасибо.

Теперь Хичкок встал. Главенствующая роль снова перешла к нему.

— С этого момента, мистер Лэндор, нужно действовать очень осторожно. Надеюсь, мы вправе рассчитывать на ваше благоразумие.

— Конечно.

— Позвольте мне сначала пояснить, что наш экскурс в вашу карьеру был нужен исключительно для того, чтобы убедиться: вы тот, кто нам нужен.

— Тогда позвольте спросить, кто же вам нужен.

— Мы ищем человека — частное лицо с хорошим послужным списком и здравомыслием, — который мог бы провести расследование деликатного характера. В интересах академии.

В его манерах ничего не изменилось, но что-то стало другим. Возможно, дело было в обрушившемся на меня так же внезапно, как глоток холодного пива, осознании того, что они ищут помощи у гражданского — у меня.

— Что ж, — сказал я, осторожно продвигаясь вперед, — это будет зависеть от многого, не так ли? От природы этого расследования. От моих... моих способностей...

— Мы не сомневаемся в ваших способностях, — сказал Хичкок. — Расследование — вот что нас заботит. Должен признать, оно очень сложное и чрезвычайно деликатное. Прежде чем мы двинемся дальше, я должен еще раз убедиться в том, что ничто из сказанного не выйдет за пределы Пойнта.

— Капитан, — сказал я, — вы знаете мой образ жизни. Мне некому что-либо рассказывать, кроме Коня, а он — само олицетворение благоразумия, даю вам слово.

Кажется, Хичкок воспринял это как торжественное заверение, потому что снова сел. Посоветовавшись со своими коленками, поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

— Это касается одного из наших кадетов.

— Я догадался.

— Второкурсника из Кентукки по фамилии Фрай.

— Лерой Фрай, — добавил Тайер.

Опять этот бесстрастный взгляд. Как будто у него три футляра записей о Фрае.

Хичкок опять поднялся со стула, вошел в пятно света и вышел оттуда. Я наконец-то нашел его взглядом у стены, позади стола Тайера.

— Итак, — сказал капитан, — больше нет смысла ходить вокруг да около. Лерой Фрай повесился вчера ночью.

В тот момент мне показалось, будто я участвую в самом конце или в самом начале большого розыгрыша, и я понял, что безопаснее было бы отказаться от игры.

— Печально слышать об этом, — сказал я. — Я действительно сожалею.

— Ваше сочувствие...

— Ужасное происшествие.

— Для всех, кто причастен, — сказал Хичкок, делая шаг вперед. — Для молодого человека. Для его семьи...

— Мы имели удовольствие, — сказал Сильванус Тайер, — познакомиться с родителями молодого Фрая. Дол-

ЛУИ БАЙЯР

жен признаться, мистер Лэндор, что мне предстоит печальная миссия отправить им весть о смерти сына.

— Понимаю.

— Едва ли нужно упоминать... — снова заговорил Хичкок, и я почувствовал, что мы подходим к главному. — Едва ли нужно упоминать о том, что для академии это поистине ужасное происшествие.

— Видите ли, раньше ничего подобного здесь не случилось, — сказал Тайер.

— Именно так, — подтвердил капитан. — И не должно случиться впредь.

— Со всем моим уважением, джентльмены, — произнес я, — но не нам же судить! Я имею в виду: никто ведь не знает, что творится в голове у какого-нибудь парнишки изо дня в день. Вполне возможно, завтра... — Я почесал затылок. — Завтра бедняга этого не сделал бы. Завтра он был бы жив. А сегодня... сегодня он мертв, не так ли?

Хичкок прошел вперед и оперся на резную спинку стула.

— Мистер Лэндор, вы должны понять наше положение. На нас возложили особую ответственность за этих молодых людей. Мы, по сути, заменяем им родителей. Наш долг — сделать из них джентльменов и солдат, и именно к этому мы и гоним их. Я не извиняюсь за свои слова: мы именно гоним их, мистер Лэндор. Но склонны считать, что знаем, когда надо остановиться и перестать гнать.

— Мы склонны думать, — сказал Сильванус Тайер, — что любой из наших кадетов может прийти к нам — ко мне или к капитану Хичкоку, офицеру-преподавателю, командиру кадетов — и обратиться за помощью, если у него появятся духовные или физические проблемы.

— Как я понимаю, ничто ничего не предвещало.

— Никаких предупреждающих сигналов.

— Ну, ничего не поделаешь, — проговорил я. (Излишне оживленно, на мой взгляд.) — Уверен, вы сделали все возможное. Никто не может требовать большего.

Оба немножко подумали над моими словами.

— Джентльмены, — продолжил я, — полагаю... Конечно, могу ошибаться, но полагаю, что теперь вы откроете мне, ради чего я вам понадобился. Потому что я все еще не могу взять в толк. Парень повесился; это дело коронера¹, ведь так? А не констебля в отставке... со слабыми легкими и плохим кровообращением.

Я увидел, как Хичкок выпрямился.

— К сожалению, — заявил он, — это, мистер Лэндор, еще не конец.

Затем последовало новое долгое молчание, еще более настороженное, чем предыдущее. Я переводил взгляд с одного мужчины на другого, ожидая, когда кто-нибудь из них двинется дальше. Наконец Хичкок сделал глубокий вдох и заговорил:

— Ночью... между двумя тридцатью и тремя... тело кадеты Фрая исчезло.

Я должен был сразу распознать его, это ритмичное бие-ние. Не бой барабанов, а удары собственного сердца.

— Вы говорите, исчезло?

— В приказах... очевидно, в приказах возникла какая-то путаница, — признался Хичкок. — Сержант, которому было поручено охранять тело, покинул свой пост, так как якобы нужен был в другом месте. Когда его ошибка обнаружилась... Скажем так, когда он вернулся на свой первоначальный пост... тело уже исчезло.

Я поставил стакан на пол с величайшей осторожностью. Мои глаза закрылись по собственной воле и открылись по-

---

¹ Коронер — здесь: должностное лицо, устанавливающее характер подозрительной смерти.

ЛУИ БАЙЯР

сле странного звука, который, как я вскоре выяснил, шел от моих трущихся друг о друга рук.

— Кто забрал тело? — спросил я.

Впервые в теплом, обволакивающем голосе капитана Хичкока прозвучали жесткие нотки.

— Если б мы знали, — отрезал он, — нам не понадобилось бы вызывать вас, мистер Лэндор.

— Тогда скажите, было ли оно найдено.

— Да.

Хичкок вернулся к стене, как бы выполняя самостоятельно возложенную на себя обязанность по ее охране. После этого наступило продолжительное молчание.

— Где-то на территории? — нарушил я тишину.

— У ледника, — уточнил капитан.

— То есть его вернули?

— Да.

Он собирался сказать больше, но остановился.

— Ну, — сказал я, — в академии есть некоторое количество шутников, не сомневаюсь. И нет ничего необычного в том, что молодые люди проказничают с телами. Радуйтесь тому, что они не раскапывают могилы.

— Мистер Лэндор, все это выходит далеко за грань шутки.

Он прислонился к краю стола Тайера. А затем этот закаленный в боях офицер стал вдруг запинаться:

— Кто... кто бы ни... снял тело кадета Фрая, он, должен признаться, совершил особенное, я бы даже сказал, особенное до ужаса осквернение. Такого рода... что не каждый...

Бедняга, он, возможно, и дальше продолжал бы вот так топтаться на месте, предоставляя Сильванусу Тайеру перейти к сути. С прямой спиной, положив одну руку на футляр для документов, а другой сжимая шахматную ладью, тот поднял голову и сообщил новость с таким видом, будто зачитывал результаты зачета:

— У кадета Фрая было вырезано сердце.

Повествование Гаса Лэндора

3

Когда я был мальчишкой, мы переступали порог больницы только тогда, когда собирались умереть или когда были настолько бедны, что нам становилось плевать, умрем мы или нет. Мой отец, скорее, перешел бы в баптизм¹, чем обратился в больницу, но возможно, изменил бы мнение, если б увидел госпиталь Вест-Пойнта. Учреждению исполнилось всего полгода на тот момент, когда я вошел туда: свежеекрашенные стены, тщательно вычищенные полы и деревянные панели, все кровати и стулья обработаны серным и хлорноватокислым газом, по коридорам течет поток напоенного запахом мха воздуха.

В обычный день нас встретила бы парочка сияющих сестер-хозяек; может, показала бы нам вентиляционную систему или операционную... Но не сегодня. Одну из них отправили домой, после того как она упала в обморок, другая же от переживаний не могла вымолвить ни слова. Смотрела сквозь нас куда-то вдаль, словно за нами следовал

---

¹ Баптизм — направление протестантизма, исторически основанное, по всей видимости, на английской разновидности кальвинизма (пуританства); между баптизмом и пресвитерианством есть целый ряд принципиальных расхождений, наиболее известным из которых являются разные точки зрения на спасение посредством глубокой веры (баптисты верят в него, тогда как пресвитериане считают, что Бог изначально избрал всех людей, кому предстоит спастись, и всех, кому нет).

целый полк, но, не найдя его, потрясла головой, повела по лестнице в палату Б-3 и прошла мимо открытого камина к кованой кровати. Замерла на секунду. Затем сдернула льняную простыню с тела Лероя Фрая.

— Прощу меня простить, — сказала она.

И, выйдя, закрыла за собой дверь, словно хозяйка дома, оставляющая мужскую часть своих гостей поразмышлять.

Читатель, даже если б я прожил сто лет и потратил миллион слов, все равно не смог бы описать, что это было за зрелище.

Поэтому буду двигаться вперед маленькими шажками.

Лерой Фрай, мертв-мертвешенек, лежал на перьевом матрасе между чугунными арками изголовья и изножья.

Одна рука замерла на нижней части живота; другая сжата в кулак.

Глаза приоткрыты, словно барабаны только что пробили побудку.

Рот перекошен. Из-под верхней губы виднелись два желтоватых передних зуба.

Шея была темно-алой, с черными полосами.

А его грудная клетка...

То, что осталось от груди, было красным. Оттенки красного были разными, в зависимости от того, где грудную клетку разломали, а где просто раскрыли. Моей первой мыслью было, что на него воздействовала какая-то очень мощная ударная сила. Упавшая сосна... нет, слабовато; метеор вылетел из-за облака...

Однако он не был выпотрошен. Возможно, так было бы лучше. Тогда не пришлось бы смотреть на безволосые лоскуты кожи на груди, раздробленные края костей и на нечто вязкое, что пряталось глубоко внутри и оставалось тайной. Я видел сморщенные легкие, полукруг диафрагмы, мягкие очертания печени, имевшей тепло-коричневый оттенок. Я видел... все. Все, кроме органа, которого не было

на месте, который обычно первым привлекает внимание и который исчез.

Стыдно признаться, Читатель, но в тот момент мне в голову пришла одна мысль — при иных обстоятельствах я даже не стал бы упоминать тебе о ней. Мне показалось, от Лероя Фрая осталась только одна вещь — вопрос. Единственный вопрос, заданный его безмолвным ртом, зеленоватым оттенком его безволосой кожи...

Кто?

По пульсации внутри себя я понял, что должен дать ответ. Независимо от того, какая мне грозит опасность, я должен выяснить, кто унес сердце Лероя Фрая.

Поэтому я стал искать ответ тем методом, который применяю всегда. Задавая вопросы. Не в пустоту, нет, но человеку, стоявшему в трех футах от меня: доктору Дэниелу Марквизу, хирургу Вест-Пойнта. Он вслед за нами вошел в палату и робко посматривал на меня исчерченными красными прожилками глазами, горя желанием, я думаю, принять участие в обсуждении.

— Доктор Марквиз, какие действия предпринимает человек, — я указал на тело на кровати, — совершая такое?

Доктор провел рукой по лицу. Я объяснил этот жест усталостью; на самом же деле он прятал возбуждение.

— Делается первый надрез, это несложно. Скальпелем, подойдет любой острый нож.

Сев на своего конька, Марквиз наклонился над Лероем Фраем и водил в воздухе невидимым лезвием.

— Самое сложное — добраться до сердца. Придется убрать с дороги ребра и грудину. Эти кости, гм, не такие плотные, как позвоночник, но достаточно твердые. Никто не будет разбивать или ломать их, так как рискует повредить сердце. — Он уставился в разверстную грудную клетку Лероя Фрая. — Остается единственный вопрос: где резать? Первый вариант — прямо по грудине... — Лезвие доктора

со свистом разрежало воздух. — Да, но тогда все равно придется раздвигать ребра, может, даже ломом, и это трудная задача. Нет, надо сделать — что и было сделано — кольцевой разрез. По грудной клетке, а потом два разреза поперек грудины. — Он отступил на шаг, оглядел результаты и заключил: — Судя по имеющейся картине, я бы сказал, что он использовал пилу.

— Пилу...

— Такую, какой хирурги ампутируют конечности. У меня есть одна в кабинете. За неимением таковой, он мог использовать ножовку. Только это тяжелая работа. Нужно пилить так, чтобы лезвие не углублялось в грудную полость. Кстати, взгляните сюда, на легкие. Видите эти порезы? Около дюйма длиной? Есть порезы и на печени. Сопутствующие разрывы, я думаю. Результат того, что лезвие наклоняли под углом наружу, чтобы сохранить сердце.

— О, доктор, вы очень помогли, — сказал я. — Будьте любезны, поведайте, что происходит дальше? После того, как ребра и грудина распилены?

— Ну, дальше уже совсем все просто. Нужно разрезать перикард. Это оболочка вокруг эпикарда, помогает поддерживать сердце.

— Так...

— Затем нужно перерезать, гм, аорту. Легочную артерию. Предстоит пробраться через кровеносные сосуды, но это дело нескольких минут. Тут подойдет любой качественный нож.

— Доктор, разве не должно быть фонтана крови?

— Только не из тела, которое мертво несколько часов. Конечно, могло вытечь некоторое количество. Однако я подозреваю, что к тому моменту, когда он взял его сердце, — не без доли удовлетворения сказал он, — оно было сухим.

— Что дальше?

— О, так уже почти все сделано, — сказал хирург. — Весь узел выходит чистым. Сердце довольно легкое, многие не знаю этого. Оно чуть крупнее кулака, весит не больше десяти унций. Когда пустое, — добавил он, в подтверждение своих слов похлопывая себя по груди.

— Итак, доктор... надеюсь, вы не возражаете против того, что я задаю вам все эти вопросы?

— Вовсе нет.

— Может, вы расскажете нам что-то еще о том человеке, который все это совершил. Что ему понадобилось бы, кроме инструментов?

Легкое замешательство, когда он отвел взгляд от тела.

— Дайте-ка подумать. Он... должен быть сильным по тем причинам, что я уже назвал.

— Значит, это не женщина?

Марквиз хмыкнул.

— Нет, во всяком случае, ни одна из тех, с кем я имел удовольствие быть знакомым.

— Что еще понадобилось бы?

— Много света. Для проведения такой операции ему понадобился бы свет. Я не удивился бы, если б мы нашли в полости свечной воск.

Его голодный взгляд вернулся к телу. Пришлось дернуть доктора за рукав, чтобы оттащить его, когда он ринулся к кровати.

— Доктор, а что насчет его медицинской квалификации? Для этого ему нужно было бы, — я улынулся, прямо глядя ему в лицо, — иметь такое же хорошее образование и многолетнюю практику, как у вас?

— О, необязательно, — застенчиво сказал он. — Ему нужно было бы знать... что искать да чего ожидать. Где делать разрез. Небольшие познания в анатомии — да, но быть врачом не надо. Или хирургом.

— Безумец, вот кто он!

Это вмешался Хичкок. Чем, признаюсь, испугал меня. Все это время у меня было такое чувство, будто мы с доктором Марквизом (и Лероем Фраем) одни.

— Кем он еще может быть, кроме как безумцем? — спросил Хичкок. — И он все еще здесь, насколько нам известно, готовит новые гнусности. Разве я.. Неужели больше никого не уязвляет даже мысль о нем? Ведь он все еще здесь!

Он был чувствительным человеком, наш Хичкок. Несмотря на внешнюю твердость, мог болеть душой. И желать утешения. Легкого похлопывания полковника Тайера по плечу оказалось достаточно, чтобы напряжение покинуло его.

— Спокойнее, Итан, — сказал Тайер.

То был первый, но не последний раз, когда их альянс напомнил мне своего рода супружеский союз. Я ничего не имею в виду — только то, что у этих двух холостяков был какой-то договор, гибкий и закрепленный чем-то невысказанным. Один раз — и только один (я узнал об этом позже) — они разорвали отношения: за три года до описываемых событий по вопросу о том, нарушили ли следственные суды Вест-Пойнта положения Военного кодекса. Ничего страшного не случилось. Год спустя Тайер призвал Хичкока к себе. Рана от разрыва зарубцевалась. И все это передалось в том похлопывании. Да, и Тайер был главным. Всегда.

— Уверен, все мы испытываем то же самое, что и капитан Хичкок, — сказал он. — Не так ли, джентльмены?

— Это делает честь капитану — то, что он облек это в слова, — сказал я.

— Естественно, смысл всего этого, — добавил суперинтендант, — предоставить нам больше возможностей, чтобы найти преступника. Разве не так, мистер Лэндор?

— Конечно, полковник.

Не успокоившись, ни в малейшей степени, Хичкок уселся на одну из свободных кроватей и уставился в окно, выходявшее на север. Мы отнеслись к нему с уважением. Помню, я даже стал отсчитывать секунды. Одна, две...

— Доктор, — сказал я, улыбаясь, — вы можете рассказать нам, сколько времени ушло бы у человека на такую операцию?

— Трудно ответить, мистер Лэндор. Прошли, знаете ли, годы с тех пор, когда я в последний раз делал вскрытие, причем никогда не заходил так далеко. По моим предположениям, если учесть сложные условия, я бы сказал, что час. Может, полтора.

— И бóльшую часть времени отняло бы распиливание?

— Да.

— А если их было двое?

— Ну, тогда они встали бы по обе стороны и справились бы за полчаса. А вот трое были бы уже толпой. Третий дело не ускорил бы; он мог пригодиться только для того, чтобы держать фонарь.

Фонарь, точно. При взгляде на Лероя Фрая меня не покидало необъяснимое ощущение, будто кто-то освещает его. Я объяснил бы это тем фактом, что его глаза были направлены на меня, смотрели из-под полуприкрытых век — если вообще можно было допустить, что он смотрит. Поэтому что глаза закатились вверх, как поднятые жалюзи, и в щелках между веками серебрилась белизна.

Я подошел поближе к кровати и кончиками пальцев оттянул веки. Они на секунду застыли в этом положении, прежде чем вернуться назад. Я почти не обратил на это внимания, потому что принялся изучать следы на шее Лероя Фрая. Они не складывались в единую полосу, как я предполагал вначале, а переплетались, рисуя картину мучений. Задолго до того, как петля пережала дыхательное горло кадета, веревка вдавливалась в кожу, разрывая ее.

ЛУИ БАЙЯР

— Капитан Хичкок, — сказал я, — мне известно, что ваши люди провели поиски, но что конкретно они искали? Человека? Или сердце?

— Могу сказать вам только, что мы прочесали окрестности и ничего не нашли.

— Ясно.

Он был рыжеватым блондином, этот Лерой Фрай. Длинные светлые ресницы. Мозоли от ружья на правой руке и яркие волдыри на кончиках пальцев. И родинка между двумя пальцами на ноге. Всего день назад он был жив.

— Может кто-нибудь напомнить мне, где было найдено тело? — спросил я. — После того, как из него вынули сердце.

— Рядом с ледником.

— Боюсь, доктор Марквиз, мне придется снова обратиться к вашему опыту. Если б вы... если б вы хотели сохранить сердце, как бы вы это сделали?

— Ну, я, наверное, нашел бы какой-нибудь контейнер... Не обязательно большой.

— Да?

— Потом обернул бы чем-нибудь сердце. Может, муслином. Или газетой, если б не смог найти ткань.

— Продолжайте.

— А потом я... я поместил бы его... — Он замолчал. Его рука непроизвольно поднялась к горлу. — В лед, — сказал он.

Хичкок встал с кровати.

— Вот до чего дошло, — сказал он. — Безумец не только вынул сердце у Лероя Фрая. Он хранит его на льду.

Я пожал плечами. Развел руки в стороны.

— Такое возможно, не более.

— Но ради какой, черт побери, цели?

— О, этого я вам сказать не могу, капитан. Я только что приехал сюда.

В палату уже успела войти сестра-хозяйка, подгоняемая чувством долга: ей для чего-то понадобился доктор Марквиз, не помню, для чего. Я только помню полный сожаления взгляд доктора: ему не хотелось уходить.

Так что мы остались втроем: я, Тайер и Хичкок. И Лерой Фрай. Потом забили барабаны — кадетов призывали на вечернее построение.

— Итак, джентльмены, — сказал я, — деваться нам некуда. Вы вляпались в неприятную историю. — Снова развел руками. — Я и сам немного озадачен. Одного не могу понять: почему вы не обратились к военным властям?

Долгое молчание.

— Такие вопросы требуют их внимания, — сказал я, — не моего.

— Мистер Лэндор, — сказал Сильванус Тайер, — вы не против прогуляться со мной?

Мы прошли недалеко, по коридору и обратно. Потом еще раз. И еще раз. Это очень напоминало военные учения. Тайер был на четыре дюйма ниже меня, но спину держал более прямо, и манеры у него были более уверенными.

— Как вы понимаете, мистер Лэндор, мы оказались в щекотливом положении.

— Не сомневаюсь.

— Эта академия... — начал он. Но его голос прозвучал слишком громко; Тайер тут же приглушил его. — Эта академия, как вам известно, существует менее тридцати лет. Половину этого срока я являюсь здесь суперинтендантом. Думаю, можно с уверенностью сказать, что ни сама академия, ни я еще не стали постоянными величинами.

— Думаю, это вопрос времени.

— Что ж, как и у любого молодого учреждения, у нас появились влиятельные друзья. И грозные недоброжелатели.

Глядя в пол, я высказал предположение:

— Президент Джексон относится ко второму лагерю, не так ли?

Тайер быстро огляделся по сторонам.

— Я не стану делать вид, будто знаю, кто к какому лагерю принадлежит, — сказал он. — Знаю только то, что на наши плечи лег тяжелейший груз. Неважно, сколько офицеров мы выпускаем, неважно, сколько пользы приносим нашей стране, — мы всегда, боюсь, оказываемся в положении обороняющихся.

— Против кого, полковник Тайер?

— О. — Он бросил взгляд в потолок. — Элитарность, вечная тема... Наши критики утверждают, что мы отдаем предпочтение отпрыскам богатых семей. Если б они знали, сколько наших кадетов родились на фермах, сколько среди них сыновей мастеровых, предпринимателей... Это Америка, мистер Лэндор, чья история пишется маленькими людьми.

Как же мило это прозвучало в том коридоре! «Америка, чья история пишется маленькими людьми...»

— Что еще, полковник, говорят ваши критики?

— Что мы слишком много времени тратим на подготовку инженеров и мало — на подготовку солдат¹. Что наши кадеты поступают на должности, которые должны доставаться офицерам более высокого ранга.

«Лейтенант Медоуз», — подумал я.

Тайер шел по коридору, подладив свой шаг под ритм барабанов снаружи.

— Думаю, нет надобности рассказывать вам о недавно появившемся направлении критики, — сказал он. — О том,

---

¹ Для лучшего понимания реалий следует учесть, что академия была основана как военно-инженерная, для выпуска специалистов соответствующего профиля, которые работали не только в военной, но и в гражданской сфере; фактически она выступила первым политехническим высшим учебным заведением страны.

в котором утверждается, будто нашей стране вообще не нужна постоянная армия.

— Интересно, чем бы эти критики хотели ее заменить?

— Очевидно, такой же милицией¹, как была в старину. Толпой из деревенских общин. Солдатами понарошку, — без всякой горечи сказал он.

— Но нашу последнюю войну выиграла отнюдь не милиция, — возразил я. — Это были люди типа... генерала Джексона.

— Как приятно знать, мистер Лэндор, что мы с вами придерживаемся одного мнения... Однако факт остается фактом: большая часть американцев шарахается при виде человека в форме.

— Вот поэтому мы и не носим ее, — тихо сказал я.

— Мы?

— Простите; мы, констебли. Оглянитесь, и вы не встретите констебля — если подумать, то и любого сотрудника правоохранительных органов Нью-Йорка, — который одеждой обозначал бы свою сферу деятельности. Форма действительно отталкивает народ, не так ли?

Забавно, я не стремился к этому, но поднятая тема разоггла между нами искорку братской близости. Нет, я не утверждаю, что Сильванус Тайер улыбнулся — я ни разу в жизни не видел, чтобы он улыбался, — однако торчавших из него иголок поубавилось.

— С моей стороны было бы большим упущением, мистер Лэндор, если б я не упомянул о том, что львиная доля атак была направлена на меня. Меня называли тираном. Деспотом. Варваром — это самый мягкий вариант.

На этом он остановился, чтобы дать словам осесть.

---

¹ Слово «милиция» здесь употреблено в значении «гражданское ополчение с функцией внутренних сил правопорядка».

ЛУИ БАЙЯР

— В общем, полковник, ситуация тяжелая, верно? — подытожил я. — Если взглянуть на нее с вашей стороны. И если станет известно, что под... под вашим жестоким управлением кадеты гибнут, доходят до того, что лишают себя жизни...

— О Лерое Фрае уже стало известно, — сказал он; тон у него был ледяным, как звезда. (Братской близости как не бывало.) — Я не мог помешать этому, как не могу помешать людям делать выводы. В настоящий момент моя единственная цель — не дать определенным кругам взяться за расследование.

— Определенным кругам в Вашингтоне, — предположил я, глянув на него.

— Именно так.

— Кругам, которые враждебно воспринимают само существование академии. Они будут искать повод, чтобы разнести ее по кирпичику.

— Именно так.

— Но если вам удастся показать им, что у вас все под контролем — что кто-то занимается этим делом, — тогда вы сможете дольше сдерживать охотничьих псов.

— Чуть дольше, но да.

— А что, полковник, если я ничего не выясню?

— Тогда я подам рапорт главе инженерных войск, который в свою очередь будет совещаться с генералом Итоном¹. После это мы будем ждать их коллективного решения.

Так уж получилось, что мы остановились перед палатой Б-3. Снизу доносились голоса: взволнованный сестры-хозяйки и медленный, плавный хирурга. За окнами пронзительно звучала флейта. В палате Б-3 ничего не происходило.

---

¹ Джон Генри Итон (1790–1856) — военный министр США в 1829–1831 гг.

— Кто предположил бы такое, — сказал я, — что из-за смерти одного человека на волоске может повиснуть столь многое... Даже ваша карьера.

— Мистер Лэндор, если в чем-то еще мне вас убедить не выйдет, знайте одно: моя карьера — ничто. Если б я был уверен в том, что академия выживет, то завтра же ушел бы отсюда и даже не оглянулся. — Добродушнейшим образом кивнув мне, он добавил: — У вас, мистер Лэндор, дар вызывать на откровенность. Не сомневаюсь, он вам пригодится.

— Как получится, полковник... А теперь ответьте честно: вы действительно считаете, что я — нужный человек?

— Если б я так не считал, мы с вами сейчас не беседовали бы.

— И вы твердо настроены идти этим путем? До самого конца?

— И даже дальше, — сказал Сильванус Тайер, — если понадобится.

Я улыбнулся и посмотрел туда, где в свете, падавшем через круглое окно, по коридору плавала искрящаяся пыль.

Тайер прищурился.

— Мистер Лэндор, как мне следует интерпретировать ваше молчание? Это «да» или «нет»?

— Ни то, ни другое, полковник.

— Если вопрос в деньгах...

— У меня достаточно денег.

— Возможно, какие-то другие проблемы?

— Не такие, с которыми вы могли бы помочь, — как можно мягче сказал я.

Тайер прочистил горло — всего лишь тихо кашлянул, но у меня появилось стойкое ощущение, что сказано еще не все.

— Мистер Лэндор, наш кадет умер таким юным, собственноручно лишив себя жизни, и это очень трудно пережить... Однако то, что над его беззащитным телом так же-